

Оливер Кромвель

1599 - 1658

Оливер Кромвель был из скромной семьи провинциальных дворян. Впрочем, имя это у англичан было на памяти - и века еще не прошло с правления Генриха VIII, главным советником которого ряд лет был выходец из “низов” Томас Кромвель, подвигнувший своего монарха на разрыв с Римом; сестра, в конце концов, погибшего на плахе канцлера была прапрабабкой Оливера.

Кромвель был протестантом кальвинистского толка и до поры до времени вел жизнь типичную для сельского английского сквайра - учился, женился, растил детей, жил скромно, был трудолюбив, хозяйство свое вел расчетливо и бережливо. И с интересом следил за событиями, разворачивавшимися в столице.

А события там замешивались все круче, и круче. Король Карл I, начав войну в Европе (надо сказать, весьма неудачную) требовал от парламента денег и введения новых налогов. Он распустил один парламент, отказавший ему в просьбе, но избранный следующий был столь же неуступчив и прижимист. Король распустил и его. Депутатом этого парламента был и молодой Кромвель, которого община послала защищать свои интересы.

Тем временем при осаде французской Ла-Рошели был убит ненавидимый всей страной королевский любимец герцог Бэкингем. Карлу пришлось закончить войну. Он объявил, что в его царствование парламент больше созываться не будет. Король избрал себе двух новых фаворитов, одного из которых он поставил заниматься делами церковными, а с другим принялся налаживать светскую жизнь.

Но Карл не учел, что одного королевского имени уже недостаточно, чтобы заставить повиноваться народ, особенно английский - его "светский" министр скоро кончил жизнь на плахе. Не понял он и того, что в наступившие времена королевский произвол в делах веры еще более опасен, чем даже попытка залезть подданным в кошельки - попытка "упорядочить" церковную жизнь в Шотландии вызвала войну с этой недавно присоединенной страной.

А для войны нужны деньги. Те налоги, которые король стал взимать без санкции парламента, собирались плохо, с опасным ропотом, с

обращениями в суд. Нужно было снова обращаться за помощью к ненавистному парламенту. Но вновь избранная Палата общин отказалась рассматривать восставших шотландцев, как врагов, объявила все собираемые королем налоги незаконными, обвинила в измене первого королевского министра и привела его на плаху, по ее решению был казнен и “религиозный” министр короля, Палата ликвидировала и королевский суд, который был подконтролен только королю и который штамповал удобные ему решения.

В довершение королевских бед восстала католическая Ирландия, и парламент, отказавшись давать королю деньги на снаряжение армии, объявил, что создает собственное войско, им финансируемое, под командованием военачальников, отвечающих за свои действия только перед парламентом. С этого момента всем стало ясно, что спор между королем и Палатой общин решится силой оружия.

Наступило время, когда таланты самого разного характера были вызваны к жизни из глубин общества - для того, чтобы включиться в спор за преобладание и власть. Именно таким талантом был парламентарий Оливер Кромвель.

Он с головой ушел в новое для себя и для других дело - он начал создавать протестантскую армию. Начал с малого - набрал 60 конников в родных местах, обучил их строю, умению пользоваться оружием, беспощадности в бою. А главное, он воодушевил этих кальвинистов идеями их правды и справедливости, сделал в их глазах войну делом высоким, Божьим. Потом он добавил к этому костяку еще две тысячи таких же пуритан - и опять учения, учения, псалмы, проповеди. Эта армия должна была противопоставить королевским войскам, ведомым в бой честью, “кавалеров”, столь же решительных и обуреваемых глубоким религиозным чувством воинов, “железнобоких”.

После нескольких поражений парламентских войск, наконец, - победа в битве при Марстон-Муре, где главную роль сыграли именно кавалеристы Кромвеля! Его дисциплинированных, суровых “железнобоких” враги боятся панически. Да и кто не испугается, заслышав на поле боя доносящееся из утреннего тумана глухое тысячеголосое пение Псалма:

Боже, Царь мой!

С Тобою избодаем врагов наших;

Во имя Твое попрем ногами восстающих на нас.

Ибо не на лук свой уповаю, и не меч мой спасет меня;

Но Ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас.

А за спиной армии парламент вдруг потерял свою боевитость. Там хотели как можно скорее закончить разгоревшуюся “замятню” и договориться на своих условиях с королем. И последним шагом перед примирением с ним должна была стать церковная реформа: по всей стране вводилась система только одной - пресвитерианской - секты, запрещались театральные представления, пляски, любимые народные развлечения и даже хоровое пение в церкви. Такого исхода новое армейское офицерство не ожидало - они стремились к свободе вероисповедания, к независимости суждений, к продолжению реформ...

По настоянию Кромвеля, Палата принимает закон о создании постоянной парламентской армии. Душой новой армии становится Кромвель, а ядром ее - его “железнобокие”. Новый устав вводит жесточайшие кары за дезертирство, за пьянство, за грабеж населения. Но больше наказаний дисциплину поддерживает сознание правоты дела, за которое солдаты сражаются. Проповеди, которые они слушают, убеждают, что Бог на их стороне, и они без колебаний идут за Него на смерть. Такой армии не было ни у кого в Европе.

И она встала на пути королевских войск, наступающих на Лондон. Здесь,

у деревни Несби, была одержана решающая военная победа над королем - его потерявшая поражение армия была рассеяна, а сам Карл, переодевшись слугой, бежал в Шотландию. В брошенном обозе победители нашли королевский архив, а в нем переписку с иностранными державами, в которой Карл просил иностранной помощи для борьбы с парламентом. Письма эти были тут же опубликованы. Гражданская война окончилась полной победой парламента.

Теперь Кромвелю предстояло самое трудное - борьба с самим парламентом. Пока шла война, парламентарии за спиной армии почувствовали себя настоящими хозяевами страны. Они ввели религиозную систему, мало чем отличающуюся от сломленной англиканской, они сами себе выдавали доходные должности и беззастенчиво наживались, кто как мог. О свободе совести, слова, собраний, о кальвинистских ценностях и речи не шло. Парламент выкупил у шотландцев короля, поместил его в один из северных замков, содержал его там истинно по-королевски, приезжавшие туда депутаты целовали у Карла руку и выслушивали его, стоя на коленях. Для компромисса все было готово.

Но после войны осталась армия, которая ни о каком компромиссе и слушать не желала. Солдаты волновались. Парламент принимает решение удалить из нее ее прежних командиров, а саму армию распустить. Начались тайные переговоры о союзе сил короля, парламента и шотландцев для ликвидации только что победившей армии...

В ответ армия захватила короля и вошла в Лондон. Но что делать дальше? Начала раскалываться и сама армия. Все громче звучат голоса тех, кто призывает к уничтожению монархии и учреждению республики основанной на всеобщем избирательном праве. К такому Кромвель не готов, переговоры с вождями этого движения ни к чему не привели, и ему огромного труда стоит восстановить солдатскую дисциплину. И вовремя - на севере вспыхнули роялистские мятежи и границу перешла большая

шотландская армия. Кромвель со своими “железнобокими” кинулся туда. Исход сражений был для Кромвеля уже традиционным - войска его противников разбиты и рассеяны. У короля была отнята последняя надежда выиграть гражданскую войну.

И снова возвращение в Лондон. Кромвель чувствовал, что роковые события надвигаются неотвратно, что армию больше не остановить, что вот-вот свершится нечто невиданное, небывалое... И его выбор предрешен, он - со своей армией.

Король, всячески тянувший время на переговорах с парламентом в ожидании помощи извне, был лишен своей свиты, потерял возможность сноситься с внешним миром и переведен в другой замок - в тюрьму. Армия торжественно и сурово вновь вошла в Лондон. Но теперь ее командиры знали, что делать - очистить парламент от сторонников мира с королем. Все входы в здание парламента были перекрыты солдатами, и на заседание пустили только депутатов по армейскому списку. Короля перевезли в столицу. Развязка близилась.

И был суд, и был приговор, и была казнь. И королевская голова скатилась с плахи на эшафоте, окруженном плотной стеной “железнобоких”... А ночью, рассказывает очевидец, сидевший в зале, где лежало тело короля, вошел закутанный в плащ незнакомец, подошел к телу и долго, долго смотрел в лицо казненного. Затем покачал головой и тихо сказал: “Жестокая необходимость...”. И лорд вздрогнул, узнав голос Кромвеля.

И мир вокруг изменился. Казнь короля развеяла людской миф о надмирной значимости монаршей особы, о ее абсолютной неприкосновенности, о неподсудности суду людскому. Старый, живший века, миропорядок рухнул - наступило Новое время и новая история.

“Опытом доказано, и вследствие того Палатой объявляется, что королевское звание в этой земле бесполезно, тягостно и опасно для свободы, безопасности и блага народного; поэтому отныне оно отменяется”, - постановила Палата общин. Это означало, что Англия стала республикой и вступила на новую, еще никем не изведанную дорогу.

Новоявленную республику надо было обустроить, но более неотложные дела звали в Ирландию. Восставшие там католики-ирландцы соединились с сыном казненного короля, с Карлом II. Переправив армию через пролив Кромвель подверг “зеленый остров” такому погрому и опустошению, о котором там вспоминают чуть ли не по сей день. Потеряв ирландский плацдарм, принц покаялся перед протестантами-шотландцами за связи с “папистами”, согласился на все их условия и короновался там королем Шотландии, Ирландии и Англии. Но Кромвель достал его и там - в скоротечной кампании он уничтожил королевские силы полностью и окончательно - Карл, переодетый крестьянином, едва унес ноги на континент.

Теперь, когда опасность реставрации монархии была полностью устранена, пора было браться за восстановление порядка в стране, которая после нескольких лет гражданской войны находилась в хаосе. Земледелие, ремесло, торговля были в глубоком упадке. На месте старых патриархальных лордов, бежавших из страны, оказались новые земельные собственники, гораздо более корыстные, циничные и “ухватистые”. Они разоряли крестьян-арендаторов так, что дороги и города наполнились массой все потерявших бродяг. Тюрьмы ломались от несостоятельных должников. Налоги выросли до фантастических масштабов. Законы не соблюдались.

Это было главной болью Кромвеля. Ночью, сразу же после победы над шотландцами, он пишет спикеру парламента: “...Великих дел ждут люди от вас в мире. Отрекайтесь от самих себя, сохраняйте и усиливайте свою

власть, чтобы обуздывать гордых и дерзких, посягающих на спокойствие Англии; облегчите страдания угнетенных, прислушайтесь к стонам бедных узников; позаботьтесь исправить злоупотребления во всех сословиях. Не к лицу республике, если для обогащения немногих разоряются многие”.

Но это был призыв в пустоту. Куда девался былой идеализм парламентариев, их неподкупная жажда справедливости, их забота о народном благе, свободе, законности? Алчность, безудержная страсть к обогащению владела теперь ими - они хватали себе и раздавали друг другу земли и леса, доходные должности и теплые местечки. Ни о каком преобразовании общества с этими деятелями и речи быть не могло.

Вернувшись в Лондон и разобравшись в ситуации, Кромвель начал с парламента. Он его просто разогнал. И никто в стране не встал на защиту Палаты - те шестьдесят человек, которые там остались после всех чисток, побегов и измен, после одиннадцати лет представляли лишь самих себя. Но как и кем их заменить?

Провести выборы в новый парламент по старому, королевскому еще, избирательному закону означало создать собрание еще хуже, чем только что разогнанное, ввести всеобщее избирательное право - получить Палату из абсолютно неконтролируемых “бешеных”. И Кромвель решает, что в расколотой стране он сам отберет парламентариев - из самых честных, набожных и мужественных в служении Ему. Религиозные общины выдвинули своих кандидатов, а Кромвель отобрал из них 139 человек, достойных, по его мнению, разрабатывать и утверждать законы республики.

После прочувствованного напутственного слова Кромвеля новые парламентарии взялись за дело. Они действительно хотели привести в порядок страну и принялись за свою работу с наивным усердием простых людей, незнакомых со “всею этой юриспруденцией”, не ведающих

колебаний и прямо, напролом идущих к цели. Огромный свод английских законов они постановили сократить до таких размеров, чтобы он поместился в карманную книжку. Офицерам, на жалованье которым не хватало налоговых денег, предлагалось год отслужить даром. Они упразднили церковный брак, заменив его регистрацией в книге актов гражданского состояния. Они постановили не судить конокрадов и карманников, если они попались впервые. На очереди был вопрос об отмене церковного налога (десятины). Они задумали полностью изменить систему налогообложения...

Меры, обсуждаемые в “парламенте “святых”, были, в общем-то, справедливы и разумны, но таковыми они стали лишь через поколения. А тогда, в той обстановке они ссорили между собой разные социальные слои, законы принимались без учета их интересов, они буквально переворачивали страну, начиная новый круг революции. И Кромвель был в мучительных сомнениях - а не был ли этот “парламент” его личной слабостью, стремлением передоверить республику кому-то другому, снять тяжкое бремя ответственности за страну с самого себя?..

Да и многие участники этого органа понимали свою несостоятельность. После обмена мнениями с близкими к Кромвелю офицерами, семьдесят “умеренных” собрались на заседание рано, пока не пришли “радикалы”, и приняли решение прекратить работу. Когда в зал пришли анабаптисты и представители других народных сект, “парламента “святых” более не существовало. Они расселись по местам и сидели так, пока не пришел отряд мушкетеров. Командир спросил их, что они тут делают и услышал: “Мы ищем Господа”. “Ну, так идите в какое-нибудь другое место, - грубовато ответил офицер. - Насколько я знаю, Господь здесь не бывал за последние двенадцать лет”...

Отныне вся полнота ответственности за государство легла на Кромвеля. Его новый пост - лорд-протектор - не был наследственным, но

пожизненным. При нем должен был заседать парламент, избираемый только гражданами, обладающими довольно значительной собственностью (этот избирательный ценз был выше, чем при короле). Со временем была восстановлена и палата лордов, блокирующая неприемлемые для протектора решения Палаты. Страна была разделена на ряд округов, и во главе каждого поставлен личный представитель протектора с диктаторскими полномочиями. В руках Кромвеля оказалась абсолютная власть, которой в реальности не обладал никакой король.

Недолгое правление “святых” было последним разочарованием Кромвеля в демократии. Теперь он ощущал себя не вождем, не борцом за правое дело, не полководцем, идущим к славе, не строителем нового государства. По собственному его слову, он стал лишь “констеблем”, полицейским, стражем порядка, следящим лишь за тем, чтобы англичане не перерезали друг другу глотки...

Впрочем, его усилия привести страну в порядок, даром не пропали. Даже крайне негативно относящиеся к Кромвелю историки не могут удержаться от хвалы его правлению в качестве лорда-протектора, отмечая бережливость, уравновешенность, разумность и абсолютную некоррупционность его администрации. Страна постепенно оправлялась от бедствий войны. Ее международный престиж не просто повысился, но достиг небывалого уровня - европейские государства, вначале разорвавшие отношения с “режимом цареубийц”, признали Кромвеля и относились к нему, как к законному правителю, боялись его, искали с ним дружбы и союза.

Оборотной стороной этих внешних успехов была мелочная и жестокая тирания, которую установили на подведомственных им территориях уполномоченные лорда-протектора. О свободе слова, совести, собраний, печати больше никто не вспоминал. Процветало доноительство, поощрялось взаимное подслушивание и подглядывание, все владельцы

типографий оказались под плотным “колпаком” невероятно разросшейся тайной полиции, свободное проповедничество было запрещено, под запретом оказались и праздненства, на которых собиралось много народу, тюрьмы вновь были переполнены.

Для Кромвеля это было крушением всех его мечтаний начала революции. И он мог себя утешать лишь тем, что “пути Господни неисповедимы”...

Революция завершилась, сделав огромный круг и придя к тому же, с чего она началась. “В начальниках” были всё новые люди, но прежняя государственная машина восстановилась практически полностью, усилившись и значительно повысив свою эффективность по подавлению свобод. В этой картине не хватало лишь последнего, завершающего “мазка” - не было наследственного короля. Этот титул Кромвель бы взял (корона и скипетр были для него “побрякушками”), если бы не протесты его старых товарищей-генералов, еще цеплявшихся за свои республиканские мечты.

Умер Кромвель на седьмом году своего “протекторства”, как подобает истово верующему человеку - в страхе Господнем. До окружающих донеслись еле слышно последние его слова: “Страшное дело - попасть в руки Бога живого”...

Наследником и продолжателем своего дела он оставил сына Ричарда - но что, собственно, было продолжать?.. Тем более, что Ричард совершенно не нуждался во власти и ценил, прежде всего, свою частную жизнь со всеми ее обычными для всякого человека радостями. Не пробыв “протектором” и года, он при первой же возможности отказался от должности. Во время последовавшей реставрации династии Стюартов Ричард уехал на континент, но затем вернулся и спокойно прожил в своем провинциальном поместье еще целую жизнь - полвека. Умер он в глубокой

старости, прожив жизнь так, как он хотел - “в неизвестности”.